

УДК 82–4
DOI 10.17223/19986645/33/15

П.П. Каминский

**«ОЗВЕРЕВШИЕ ОТ ВОЙН, ОГЛОХШИЕ ОТ ПРОГРЕССА»:
ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ
ВИКТОРА АСТАФЬЕВА КОНЦА 1980-х – 1990-х гг.**

В анализе публицистики В.П. Астафьева конца 1980-х – 1990-х гг. реконструируются представления писателя о природе человека и противоречиях его бытия. По сравнению с публицистикой 1960-х – начала 1980-х гг. отмечается радикальное изменение интерпретаций и оценок: писатель осознает фатальную раздвоенность человеческого существа, его неукорененность в мире, неискоренимость деструктивных начал его природы, приходя от безусловной веры в человека – к глубокому разочарованию в нем. Ключевые слова: Виктор Астафьев, публицистика, мировоззрение, проблематика, природа человека.

С конца 1980-х гг. предметом рефлексии В. Астафьева в публицистике становится негативное в человеке, когда, осмысляя детерминанты современного состояния жизни, писатель прослеживает их в человеческой истории – истории войн и раздоров, насилия и жестокости¹. Рефлексия ведется с позиции исторического времени, масштаб выводов и обобщений расширяется до человечества, охватывая все поколения людей. Писатель исходит из положения о неизменности природы человека, устойчивости его состояний и проявлений, регулярно воспроизводящихся в различные исторические эпохи и меняющихся социальных ситуациях².

Согласно убеждению писателя на позднем этапе творчества, конституцию человеческого существа определяет дихотомия разумного и безумного, созидательного и разрушительного. Сосуществование и борьба этих противоположных начал обуславливают логику истории цивилизации, главное противоречие которой заключается в том, что разум человека – «дремлющий», т.е. бездействующий, пассивный; «просыпающийся лишь для судорожных, чаще всего злых и пакостных дел» [3. С. 8]. Драма – полусонное состояние, при котором господствуют иррациональные начала психики, бессознательное. Поэтому действия человека, у которого спит разум, – «судорожные», т.е. произвольные, внезапные и болезненные.

¹ «Как показали войны и особенно последняя, самая тяжелая, самая смертоубийственная, самая бесчеловечная остановка в поступательном движении человека, человеческой морали, чревата такими последствиями, что и сами эти последствия мы начали ощущать болезненно лишь многие и многие годы спустя, часто отыскивая причины в дне сегодняшнем, в действительности повседневной, а они, причины наших бедствий, там, во мраке веков, в первых схватках людей, заложивших камень раздора в человеческую историю» [1. С. 468–469].

² Так, рассуждая в 1989 г. о художественных открытиях Н.В. Гоголя, В. Астафьев полагает, что «...в основе своей человек, значит, и его характер, прежде всего, видимо, национальный русский характер, в худших и лучших своих проявлениях, особенно в худших, – мало переменчив» [2. С. 376].

Иррациональное в человеке проявляется, во-первых, как «бездумность» – безрассудство, склонность к неразумным – немотивированным, неоправданным – действиям; во-вторых, как «безумие» – сумасшествие, помешательство, мания. Оба этих состояния отражают теневую сторону человека, присутствуют в нем изначально как генетический порок.

Первичное бессознательное влечение человеческого существа – агрессия, импульс разрушительного поведения. Взгляды В. Астафьева на происхождение агрессивного импульса в человеке – противоречивые. С одной стороны, писатель стоит на позициях инстинктивизма: агрессия человека – инстинктивной природы, заложена в нем как врожденная программа поведения.

Деструктивные проявления человеческого существа (ненависть, жестокость, насилие, вражда) характеризуются писателем как «звериные». На первый взгляд такая характеристика противоречит натурфилософским представлениям В. Астафьева, когда животные организмы, способы их существования, взаимоотношения с себе подобными, другими видами и абиотическими условиями среды этически противопоставляются человеческому существу (в его низменных проявлениях) [4].

Можно предположить, что эпитет «звериный» используется в рамках устойчивой традиции словоупотребления, идиоматически, не в прямом, биологическом, а в переносном значении, фиксируя негативную оценку проявлений человеческой деструктивности (которые трактуются как отступление от норм собственно человеческого существования)¹. Однако «звериное» в характеристике писателем человеческих состояний неэквивалентно «животному». Если в живой природе элиминация одних организмов другими объясняется естественной закономерностью (борьба за существование) и этически оправдывается, то brutальные проявления человека, его инстинкты, не регламентированы более природными процессами (потребностью биологического выживания); в ситуации отрыва, отчуждения от природы проявляются как атавизм, биологическая аномалия.

Очевидно, что в рефлексии природы человеческой деструктивности как инстинктивной В. Астафьев воспринимает идеи К. Лоренца. На это указывает, в частности, неоднократное воспроизведение в искаженном виде риторической формулы ученого «о 40 тысячах лет организованной войны»: «...пятнадцать тысяч войн, происшедших на земле, восемь миллиардов людей, сгоревших в военном смерче...» [3. С. 9].

«Звериное» проявляется в человеке в двух формах. Во-первых, как хищническое; во-вторых, стадное. Если с хищничеством связано начало воли, то стадности, напротив, оно не свойственно (безволие). Понятие первого употребляется в отношении природы человека вообще, а также в отношении отдельных слоев общества (политико-экономического истеблишмента, маргинальных слоев – браконьеров и т.д.) [6]; второе – в отношении широкого общества в конкретной национально-исторической перспективе (состояние советского / современного российского общества как следствие коммунистического эксперимента) [7].

¹ «... Образ хищника сыграл основную роль в формировании представлений о врожденной агрессивности животного, а косвенно и человека» [5. С. 137].

С другой стороны, деструктивное поведение людей объясняется не инстинктами, а специфически человеческими страстями и влечениями, отсутствующими у других представителей животного мира: алчностью, гордыней, сладострастием и т.д. Типологически данные страсти можно определить как пороки, в противоположность добродетелям – любви, смирению, нестяжанию, целомудрию и т.д. (в трактовке природы человека к концу 1980-х гг. возникают религиозные мотивы).

Уместно говорить о том, что в понимании феномена человеческой агрессивности В. Астафьев близок представлениям Э. Фромма, выделявшего «злокачественную» (злонамеренную) агрессию, свойственную только человеку и отличную от «доброкачественной» (реактивной, оборонительной) агрессии других животных организмов, порожденной инстинктом самосохранения: из всех живых существ только человек испытывает влечение мучить и уничтожать себе подобных, испытывая при этом удовольствие¹.

При этом преимущественная форма агрессии у человека, о которой говорит писатель, – «инструментальная». Она служит средством достижения цели, которой является удовлетворение ненасытных потребностей, выходящих за рамки простого биологического выживания, – алчности. Эта главная страсть впервые проявляется в тот момент, когда «...в древней еще пещере, выхватив кость у более слабого брата своего, более наглый и сильный брат подписал себе смертный приговор» [3. С. 9].

В последующем именно алчность, вызываемая ею зависть, определяет образ действий, заключающийся в несправедливом присвоении чужого, ограблении, расхищении, и обозначаемый категориями «хищничества» и «браконьерства» – человеческое и звериное соединяются в способе существования за счет Другого, не предполагающем никаких усилий, самостоятельного созидательного труда: «Человек всегда искал упрощенные и легкие решения, кратчайшие пути к благоденствию, счастью и разрешению всевозможных тайн и загадок. Самый из них короткий и простой способ жить хорошо, благоденствовать, не утруждая себя, – это ни о чем не заботиться, отобрать хлеб у ближнего, не отдаст – смять его, растоптать, уничтожить» [3. С. 8–9].

Хищнические, браконьерские действия характеризуют и отношения между людьми (их общностями), и отношения человека к пространству существования (окружающей природной и культурной среде). Человеческая агрессия направлена как вовне, на Другого, так и на самого своего субъекта, проявляясь как стремление к самоуничтожению, о чем свидетельствует нескончаемая череда войн, которые человечество ведет на протяжении своей истории.

Таким образом, война, по В. Астафьеву, отнюдь не обусловлена человеческой деструктивностью самой по себе. Но будучи инструментальной по сути, она не только не исключает, но и стимулирует массовое безумие, проявляющееся в тяжелых аффектах и бессмысленных актах насилия².

¹ «...“Злокачественная” агрессия – это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и практически отсутствуют у других млекопитающих; она не имеет филогенетической программы, не служит биологическому приспособлению и не имеет никакой цели» [5. С. 24].

² Бездумность и безумие являются следствием, а не причиной войны, когда условия детерминируют рабское – бездумное и безответственное существование целого народа и общества: «Застой! Кроме всего прочего, война приостанавливает движение мысли, либо направляет ее в определенное

Другая страсть человека, которая способствует деструктивности, – гордыня. Она мотивирует унижение одного человека другим, вызывая стойкое чувство превосходства, и распространяется на отношение к миру в целом, когда человек считает себя единственной причиной всего, «...склоняется к мысли, что, кроме нас, в мироздании никого нету, а уж умнее и быть не может» [3. С. 8].

Склонный к безумию, проявляющемуся в различных формах деструктивности, алчный и тщеславный, человеческий род переживает отчуждение. Во-первых, социальное отчуждение, разобщение людей. Во-вторых, отчуждение от природы, лона, в котором зарождается человеческое существо. Наконец, в-третьих, отчуждение от самого себя как природного существа (и как божьего творения) с заповеданной ему миссией продления жизни.

При этом от негативных проявлений человеческой деструктивности, мотивированных иррациональными силами психики или утилитарным расчетом, служащим удовлетворению алчности и гордыни, В. Астафьев отличает проявления, во-первых, доброкачественной агрессивности (советского народа во время войны, когда с агрессией органически сочетаются лучшие начала человека – альтруизм, солидарность, самопожертвование); во-вторых, конформистской, предписанной агрессивности, свойственной отношениям внутри государственных институтов (армия, органы внутренних дел и госбезопасности, система исполнения наказаний). Оба этих случая становятся предметом специальной рефлексии в публицистике писателя.

Противоположные начала в масштабах человеческого рода проявляются синхронно. При этом негативное стремится к преобладанию, обуславливая тяжелые падения человечества. Эту тенденцию В. Астафьев иллюстрирует историей кризиса средиземноморской цивилизации на исходе первого тысячелетия Новой эры. Впервые – в «Ответе в “Пионерскую правду”» (1984), а потом – в эссе «Лес не шумит, лес стонет» (1992). Как размышляет писатель, к этому моменту люди научились уже «...строить корабли и отважно на них плавать», но и «делать вино и пить его», ковать оружие и употреблять «его на ограбление ближайших земель» [8. С. 46]: творческим стремлениям, созиданию, жажде открытий, которую испытывают люди, сопутствуют гедонизм и алчность, обуславливающие проявления деструктивности (совершенствование средств насилия, междоусобные войны).

В один момент, констатирует писатель, человечество, «...испугавшись своих тяжких грехов, ждущее второе пришествие Христа и Страшного Суда над собою, впало в страх. Заметьте, не в раскаяние, не в смущение, а в страх!..» Если акты раскаяния и смущения подразумевают духовную активность – стыд, признание вины и осуждение своих прежних поступков, то страх (наказания), напротив, – пассивная реакция, проявляется как оцепене-

русло, – разносторонне мыслящего существа, оно как бы консервирует чувства и мысли, кроме одной – выжить! А выжить – значит, победить. <...> Однако всепоглощение чувств, мыслей, стремление к единой и единственной цели целого народа и общества рождает инерцию безмыслия, слепое, по чьей-то указке, по чьему-то приказу, движение жизни ведет человека, как слепого, – он становится иждивенцем, перестав распоряжаться собой, отвечать за себя, он и ответственность за себя с себя снимает, плывет, куда его несет, куда его подталкивают. <...> Так рождается ограниченность и стирается индивидуальность» [1. С. 468].

ние, апатия, ослабление и отказ от нравственных усилий. Цивилизация переживает «душевную смуту», впадает в «обморок» – бессознательное состояние, утрачивая достижения предшествующего развития: «И началось такое грехопадение, пьянство, праздность, блуд, и люди позабыли не только, как строить жилища и корабли, они разучились работать на земле, плавать, а ведь плавали уже вокруг Африки, умели воздвигать храмы, дворцы, овладевали первыми навыками письменности, достигли больших высот в искусстве и не только культурном и прикладном, но даже и в духовном развитии» [8. С. 46].

Этот этап охватывает Средние века, за которыми следует эпоха Ренессанса – возрождение культуры, расширение знаний о мире, развитие ремесел. Но вместе с достижениями человеческого духа вновь множится и зло, прогресс стимулирует непомерные и ненасытные страсти – алчность, жажду наживы: «...вновь открытые земли и материки раздвинули не только горизонты человеческих познаний, жажду обновления, но и жадность к обогащению за счет открытых земель, к грабежу, насилию, истреблению богатств, целых народов...» [8. С. 47]. Жадность, противопоставленная духовной «жажде», т.е. сильной потребности, страстному желанию, оказывается сильнее, препятствуя «обновлению», которое понимается в религиозном смысле – как часть божьего замысла спасения человека и мира.

Таким образом, прогресс цивилизации, по В. Астафьеву, имеет два вектора, отражающие противоречивость человеческого существа. С одной стороны, он направлен на созидание, улучшение жизни, с другой – на совершенствование средств насилия. В социальной истории поэтому происходит постоянное усугубление степени последствий человеческой деструктивности: «И чем дальше, тем больше плоды труда употребляются против него же, человека, назначены на истребление всего живого на земле и в первую голову самого производителя» [8. С. 47]. Деструктивный потенциал прогресса науки и техники девальвирует его конструктивную сущность, делает исторически несостоятельным: «По этой <...> причине не верю и в мировую гармонию, тем более достижение ее посредством научно-технической революции» [9. С. 290].

В публицистике позднего периода творчества история в целом предстает как грехопадение. Идеальное состояние мира прослеживается в не конкретизируемом мифическом прошлом – времени, когда человеку была доступна истина (о мире и человеке). Истина была заповедана Богом (ниспослана в виде заповеди свыше) и предписывала существование в согласии друг с другом и миром вокруг.

Нерасшифрованный манускрипт на лоскутке кожи, увиденный в хранилище древних рукописей и книг Патмосского монастыря¹, трактуется как «...послание нам от людей или земных существ, только-только овладевающих письменностью и еще не имеющих бумаги. <...> Послание нам вечного мира, добра и веры в Бога» [8. С. 44, 45]. Послание, т.е. нравоучительное об-

¹ Монастырь Иоанна Богослова на острове Патмос основан св. Христодулом в 1088 г. Рядом с монастырем расположена пещера Апокалипсиса – место, где апостол получил Откровение, записанное его учеником Прохором. В. Астафьев посещает Патмос на празднование 900-летия монастыря. Этой поездке посвящена «затесь» «Божий промысел», впервые опубликованная в «Красноярском рабочем» 16 февраля 1991 г.

ращение, адресованное как к своему, так и к последующим поколениям, отражает чистоту и непорочность «древлян»: «...что же еще могли желать друг другу существа, еще не озверевшие от войн, не оглохшие от прогресса, неискаженным и незамутненным сознанием» [8. С. 45].

«Искажение» и «замутнение» происходят в дальнейшем: человеческое сознание обезображивается, вступая в противоречие с изначальным его существом (собственно человеческим); заполняется мутью – грязью, поднимающейся со дна (бессознательного, иррационального) в виде осадка. Народы, происходящие из единого источника, утрачивают ощущение родства, всеобщей связности. Переживая разъединение, они приступают к убийству друг друга по принципу инаковости, в ходе этого разрушают общее пространство существования: «Древляне еще не понимали, как можно кусать грудь кормилицы-матери, перерезать ей горло за то, что она верит в своего бога или же она другого роду-племени» [8. С. 45].

В процессе нравственной деградации, нарушения завета, отступничества, истина утрачивается – люди не могут расшифровать древний манускрипт: «Послание не прочитано и едва ли будет прочтено – слишком далеко ушло, уехало, ускакало беспечное человечество из тех “безграмотных веков”» [8. С. 45]. На земле остаются только материальные свидетельства истины, преданной забвению, – «реликвии», объекты почитания, сберегаемые в сакральном месте от профанного мира, достигшего бездны падения: «На книгу («Откровение» Иоанна Богослова в «пещере Апокалипсиса». – П.К.)¹ можно только глазеть, дотрагиваться до этой всечеловеческой реликвии нельзя – слишком грязны и липки от грязи и крови руки человеческие. На уступе горит негасимая свеча, и колеблется, мерцает ее свет от сырости и смрада, выделяемого ртами туристов, толпами клубящихся в монастыре и вокруг него» [8. С. 44].

Социальную историю характеризует ситуация богооставленности вследствие отступничества: «...не надо впадать в недомыслие тех, что ждали Страшного Суда и пришествия Христа. Суд идет уже давно, и вершим мы его сами над собой, никакого нам Христа не надо, да Он уже давно и отвернулся от исчадий Своих, лишь порой грозно напоминает о Себе, карает за тяжкие грехи, то безбожный город целиком с земли сметет, то в геенну огненную целую страну свалит, то содрогнется от военного громоизвержения, вроде самоизбиения грамоте обученных, но разумом так и не окрепших чад Своих» [8. С. 48].

В природных и техногенных катастрофах писатель видит вмешательство сверхъестественной силы, божью кару человеку за грехи его. В катастрофических последствиях военных конфликтов – «исполнение самоприговора», «страшное проклятие земное и небесное существу, которое употребило разум свой не по велению Божию, не по назначению природы» [3. С. 9]. Сущность

¹ На самом деле в пещере не хранится списка «Апокалипсиса». На месте, где лежал Иоанн, когда получил Откровение, – в центре, у алтарной преграды, обозначено горящими свечами. Рядом, на стене, серебряным кругом обозначено место, за которое он держался, вставая. Справа, под покровом – каменный аналой, за которым писал Прохор. Возможно, книга была размещена на аналое во время празднования 900-летия монастыря, когда Патмос посетил В. Астафьев, или за книгу был принят малиновый (пурпурный) покров на аналое.

войны – «проклятие», т.е. лишение благословения и осуждение на бедствия. Проклятие накладывает на себя и сам человек, и Бог – за нарушение высшего закона (заповеданного свыше или назначенного природой), отступничество от своей миссии на земле.

Насильственное вмешательство в природу позволяет называть человека ее «выродком» («отродьем»). Как генетически природное существо, он не наследует лучших качеств живого организма, изменяясь в дурную сторону: «Природа сделала трагическую ошибку, вложив разум именно в это двуногое существо, и теперь сама, стеноя, плача, корчась в судорогах, не в силах ни сдержать, ни исправить деяния своего выродка, так и не обуздавшего в себе первобытного дикаря» [3. С. 9].

Если низменное в человеческом роде воплощается в «дикарях» и «безумцах», исторически реализуясь в разном масштабе – от мировых войн до актов бытового насилия и вандализма¹, то разумное начало, напротив, порождает «гениальные умы», которые спасают его от полного распада и уничтожения: «...побывавши в некоторых странах, в особенности в древних, “ознакомившись”, пусть и бегло, с культурным наследием человечества, я понял одно: это оно, человечество, обязано культуре, иначе оно упало бы снова на четвереньки. А культура – человечеству, пусть и в муках ее родившему, спасла мир от одичания» [10. С. 100]; «Добрых людей на свете было и есть и, надеюсь, будет всегда больше, чем плохих и злых, иначе в мире наступила бы дисгармония, он перекосялся бы, как нагруженный балластом или мусором на один борт корабль, и давно бы опрокинулся и затонул» [11. С. 132]. Феномен культуры, проявления любви и сострадания, разума и совести, лежащие в ее основе, составляют те начала, которые служат поддержанию и воспроизводству собственно человеческой, а не звериной формы существования.

Как показывает анализ, интерпретации и оценки природы человека в поздней публицистике В. Астафьева меняются коренным образом. Если в 1960 – начале 1980-х гг., постигая богатство феноменально неповторимых проявлений человека, анализируя его нравственную сущность, писатель испытывает веру в людей [12], то с конца 1980-х гг. он приходит к глубокому разочарованию в них, осознавая фатальную раздвоенность человеческого существа и неискоренимость его деструктивных начал, обуславливающих катастрофизм истории человечества.

Литература

1. Астафьев В. Под тихую струну: Из незаконченной статьи о творчестве Ю. Нагибина // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск, 1998. С. 467–472.
2. Астафьев В. Во что верил Гоголь // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск, 1998. С. 372–378.
3. Астафьев В. Вечно живи, речка Виви // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск, 1998. С. 7–43.
4. Каминский П.П. Природа в публицистических очерках Виктора Астафьева 1960–1990-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 1 (27). С. 150–158.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2010. 621 с.

¹ «Все это выдвывают люди не от голода, не от нужды, выдвывают все это люди сытые...» [3. С. 36].

6. Каминский П.П. Человек, природа, общество в публицистике В. Астафьева и В. Распутина // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 2 (10). С. 89–99.
7. Каминский П.П. Рефлексия советского в публицистике В. Астафьева и С. Залыгина 1990-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 1 (13). С. 141–149.
8. Астафьев В. Лес не шумит, лес стонет // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск, 1998. С. 44–48.
9. Астафьев В. Хомо технократус // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск, 1998. С. 290–291.
10. Астафьев В. Сторит божественная скрипка // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск, 1998. С. 94–100.
11. Астафьев В. Ответ в «Пионерскую правду» // Астафьев В.П. Всеми своим час. М., 1985. С. 132–137.
12. Каминский П.П. «Его характер, его дела и страсти, его поиск смысла жизни»: человек и человеческое в публицистике Виктора Астафьева 1960-х – начала 1980-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 6 (32). С. 173–182.

"BRUTALIZED BY WAR, DEAFENED BY PROGRESS": UNDERSTANDING OF HUMAN NATURE IN THE ESSAYS OF VIKTOR ASTAFIEV IN THE END OF 1980 – 1990S.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 1(33), pp. 192–200.

DOI 10.17223/19986645/33/15

Kaminskiy Pyotr P., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kelagast@yandex.ru

Keywords: Viktor Astafiev, essays, world-view, philosophical problems, poetics, nature of man.

The article discusses the concept of man, understanding of their nature and contradictions of their existence expressed in the essays of Viktor Astafiev at the end of the 1980s – 1990s. Compared with the essays of the 1960s – early 1980s, the radical change of interpretations and evaluations is obvious: the writer is aware of the fatal duality of a human being, their rootlessness in the world, ineradicable destructive beginnings in their nature. Thus, the writer comes from unconditional faith in man to a great disappointment in them.

Reflection is carried out from the historical time, the range of conclusions and generalizations expands to the humankind covering all generations of people. The writer starts from the idea about the immutability of human nature, about the stability of its conditions and manifestations which regularly reproduce themselves in different historical periods and in varying social situations.

According to the writer's belief at the late stage of his creativity, the composition of the human being is defined by the dichotomy of the rational and the irrational, the creative and the destructive. The opposite beginnings appear in humankind history in unison. And the negative constantly prevails causing severe crises of humanity.

The irrational shows, firstly, as "foolishness", secondly, as "madness". Both of these conditions reflect the dark side of people originally present there as a genetic defect. The primary unconscious desire of a human being is aggression. The views of Astafiev on the origin of the aggressive impulse in a person is very contradictory. On the one hand, the writer bases on the theory of instincts: human aggression has instinctual nature and it lies in each of us as an innate program of behavior. On the other hand, destructive behavior is explained not by instincts, but by specifically human passions and inclinations which other members of the animal world do not have: greed, arrogance, lust, etc. At the same time, the most common form of aggression among people is "instrumental". Such a form of aggression is a means to reach the goal, to satisfy needs that are insatiable, beyond simple biological survival.

In later essays the history of the world as a whole is presented as a fall from grace. The ideal condition of the world is traced in the non-concretized mythical past. The writer sees the natural and man-made disasters of the present stage as an intervention of the supernatural power, God's punishment for human sins.

If the evil in the human race is embodied in the "savages" and "mad people" (historically realized in different ranges – from the world wars to acts of domestic violence and vandalism), the good in it, on the contrary, generates "ingenious minds" that save humankind from complete collapse and destruction. Love and compassion, reason and conscience that underlie culture serve to maintain and reproduce actually human and not animal form of existence.

References

1. Astafiev V.P. *Sobranie sochineniy: V 15 tomakh* [Works: in 15 volumes]. Krasnoyarsk, 1998. Vol. 12, pp. 467–472.
2. Astafiev V.P. *Sobranie sochineniy: V 15 tomakh* [Works: in 15 volumes]. Krasnoyarsk, 1998. Vol. 12, pp. 372–378.
3. Astafiev V.P. *Sobranie sochineniy: V 15 tomakh* [Works: in 15 volumes]. Krasnoyarsk, 1998. Vol. 12, pp. 7–43.
4. Kaminskiy P.P. Nature in the publicistic essays of Viktor Astafiev of 1960s – 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2014, no. 1 (27), pp. 150–158. (In Russian).
5. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow: AST Publ., 2010. 621 p.
6. Kaminskiy P.P. Human, nature, society in Viktor Astafiev's and Valentin Rasputin's essays. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2010, no. 2 (10), pp. 89–99. (In Russian).
7. Kaminskiy P.P. Reflection on the Soviet in V. Astafiev's and S. Zalygin's social and political essays of 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 1 (13), pp. 141–149. (In Russian).
8. Astafiev V.P. *Sobranie sochineniy: V 15 tomakh* [Works: in 15 volumes]. Krasnoyarsk, 1998. Vol. 12, pp. 44–48.
9. Astafiev V.P. *Sobranie sochineniy: V 15 tomakh* [Works: in 15 volumes]. Krasnoyarsk, 1998. Vol. 12, pp. 290–291.
10. Astafiev V.P. *Sobranie sochineniy: V 15 tomakh* [Works: in 15 volumes]. Krasnoyarsk, 1998. Vol. 12, pp. 94–100.
11. Astafiev V.P. *Vsemu svoy chas* [Everything is good in its season]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1985, pp. 132–137.
12. Kaminskiy P.P. "His Character, His Deeds and Passions, His Search for the Meaning of Life": Understanding of man in the essays of Viktor Astafiev in 1960 – early 1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2014, no. 6 (32), pp. 173–182. (In Russian).